

Руси выступит перед нами, как факт не только литературный, но — в первую очередь —, как явление широкого общественного значения.

Московскую Русь, начиная с царствования Ивана Грозного, иностранцы посещали довольно часто, и за XVI—XVII вв. мы имеем в их описаниях много интересных данных для характеристики быта этого времени. Даже учитывая возможные у них ошибки, объяснявшиеся плохим знанием языка, принимая в соображение то, что иногда они писали не все по собственным наблюдениям, а повторяли слова своих предшественников, мы все же не можем не признать большой ценности этих описаний.

В частности, что касается пьянства русских, то все иностранцы, побывавшие в Москве в XVI и XVII вв., с редким единодушием пишут о его грандиозных размерах. Исключение среди них представляет один Михаил Литвин (Отрывки о нравах татар, литовцев и москвитян. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Пер. К. Мельник. Киев, 1890), который, укоряя своих единоплеменников за пьянство, все время ставит им в пример москвитян и татар: «в областях Московии и Татарии воспрещено пьянство», «москвитяне воздерживаются от пьянства», пишет он (стр. 26), добавляя, что Иван Грозный заботится о трезвости своего народа и потому для пьянствующих литовских солдат устроил в Москве слободу Налевки — «имя ее должно служить укором для нашего народа, склонного к пьянству» (стр. 27—28). Как увидим, этот автор был введен в заблуждение: о московских нравах он знал, видимо, лишь по недостоверным рассказам.

Все очевидцы вынесли другое впечатление. Они знали об ограничениях, введенных Иваном Грозным, но видели, что эти ограничения не сократили пьянства. Так, Дживованни Тедалди (Известия Дживованни Тедалди о России времен Ивана Грозного. Е. Шмурло. СПб., 1891) иначе объясняет происхождение той же самой слободы Налевка: «... здесь жили католики... они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и проч., что не дозволено самим москвитянам, в виду того, что им, как слишком склонным к пьянству, от которого сам государь весьма далек, он вообще не разрешает приготовления и продажи пива, исключая восьми дней до и после Р. Х., когда пить позволено ради праздника» (стр. 19).

Насколько правильно пояснил Тедалди причину такого запрещения, покажут нам ниже официальные данные, но уже из его слов мы видим, что о примерной трезвости москвитян в это время говорить не приходится.

Об ограничении права продажи и приготовления вина говорят и Герберштейн и Бох, но англичанин Дженкинсон, бывший в Москве в 1557 г., свидетельствует о существовании царских кабаков, в которых и мужчины,